
Hope of Salvation Mission

Лори Вик

У любви нет тайн

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2010

Originally published in English under the title:

TO KNOW HER BY NAME

by Lori Wick

Copyright © 1997 by Lori Wick

Published by Harvest House Publishers

Eugene, Oregon 97402

ISBN 978-0-7369-1820-6

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2010

P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Серия «Воспоминания о Скалистых горах», книга третья

Вик Л.

У любви нет тайн / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2010. — 448 с. —
(Воспоминания о Скалистых горах)

ISBN 978-5-903010-21-9 (отд. кн.)

ISBN 978-5-903010-13-4

По окончании Гражданской войны на протяжении нескольких лет Келли Дженингс остается лучшим агентом под прикрытием Министерства финансов. Однако оба ее брата — преступники, за которыми охотится ее агентство. Девушка ненавидит образ жизни братьев, но любит их и глубоко страдает. Однажды утром на пороге дома сестры старшего из братьев, Говерна, убивает агент Маккей Харрингтон, а тот, в свою очередь, успевает серьезно ранить агента. Похоронив брата, Келли берет на себя заботу о пострадавшем.

Оправившись от ран, Маккей возвращается на службу, где его ожидает новая встреча с Келли. Маккей страдает от смешанного чувства — жалости и восхищения и от невозможности разгадать тайну этой девушки. Он пытается сблизиться с ней и узнает, что когда-то в детстве Келли поверила в Христа, но война, работа, разочарование в людях убили в ней веру. Теперь Харрингтон готов приложить все старания, чтобы вернуть ей драгоценность, которую она когда-то потеряла.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

*Одну из моих любимых книг посвящаю тебе, моя дорогая
подруга Рокси Карлей. Не могу представить,
что бы я делала без тебя, и надеюсь, что мне никогда
не придется обходиться без тебя.*

С любовью и молитвами...

Благодарность

Каждая книга — это движение и приключение. Каждая книга — путешествие. Эта страница написана только для некоторых из многих, для тех, кто прошел эту дорогу со мной.

Я благодарю Хелен Вик, мою свекровь. Вы оспаривали, вдохновляли, любили и поддерживали меня. Ваши уши никогда не были слишком заняты, чтобы выслушать меня, и вы говорили мне правду, даже когда это было нелегко. Ваш пример во Христе помог мне преодолеть горы. Спасибо за то, что всегда оставались верной.

Благодарю Джейн Колстад, мою золовку. Время и усилия, которые ты потратила на пользу моим рукописям, помогли мне вырасти как писательнице. Спасибо тебе, Джейн, за твою помощь и за твою любовь ко мне, которая не зависела ни от каких обстоятельств.

Я благодарна воспоминаниям о моей бабушке с материнской стороны Мэйбел Стребиг. Ты была такой забавной, бабушка. Детские воспоминания о тебе так приятны, наполнены любовью и заботой. Я скучаю по тебе.

И, наконец, спасибо моему мужу Бобу. Кто бы мог подумать, что наш совместный путь будет таким сладостным? Я часто повинна в том, что недооцениваю Божьи дары, но больше всего в том, что касается тебя. Бог благословил меня безмерно, потому что я замужем за тобой.

Гражданская война официально закончилась 26 мая 1865 года, когда генерал Эдмонд Кэрби Смит капитулировал с остатками армии Конфедерации. Война, сохранившая Американский Союз, закончилась. Однако потребовались недели, а то и месяцы, чтобы мужчины могли демобилизоваться и добраться домой в разные уголки страны.

С этого момента и начинается наша история.

Пролог

Полковник Ник Валлас подошел к кирпичному зданию в Сант-Луи, Миссури; документы, лежавшие в его нагрудном кармане, выпирали из-под френча. Он начал быстро подниматься по лестнице, за ним последовал его помощник Питер Крэнделл. Остатки его полка расположились гарнизоном во временных бараках западной части города.

— Генерал ожидает вас, полковник, — произнес рядовой у дверей, изящно отдавая честь, как только мужчины показались в поле зрения.

Полковник отсалютовал в ответ и вошел в открытую дверь.

— Полковник Валлас, сэр, — объявил другой рядовой, и Ник отдал честь своему командующему.

— Входите, Ник, — генерал отсалютовал в ответ, но как только закрылась дверь, стал вести себя по-свойски. — Садитесь.

— Спасибо, сэр.

Ник достал из кармана бумаги, положил их на стол, а сам удобно устроился в деревянном кресле.

Генерал просмотрел документы, одобрительно кивнув головой, и отложил их в сторону.

— Спасибо за документы, Ник. Что у вас происходит?

— Мой полк готов к отправке. Мы уходим завтра. Частично мы закончили со сроком службы, другим выдадут бумаги уже в Денвере.

— А вы?

— Останусь в Денвере, сэр. Меня ждет работа в Министерстве финансов.

— И жена, — добавил генерал с искоркой в глазах.

— Она тоже, — улыбнулся полковник, с радостью вспомнив о ней.

Генерал кивнул и встал. Какое бы удовольствие ни доставлял ему разговор с Валласом, но другие так же ожидали его. Он вышел из-за стола и пожал руку полковнику.

— Желаю успеха, Ник.

— Спасибо, сэр.

Мужчины отсалютовали снова, и полковник Валлас вышел за дверь. И как это всегда бывало в последние месяцы, Питер Крэнделл тотчас же оказался рядом, внимательно глядя на него, ожидая команды. Ник отсалютовал рядовому у дверей и зашагал вперед, а Питер молча последовал за ним.

Выйдя на улицу, Ник заговорил.

— Ты поедешь домой, Питер.

— Да, сэр.

Они шагали дальше, их длинные ноги легко преодолевали метры, а в конечном счете и кварталы города.

— Так как насчет тебя? Куда ты собираешься после Денвера — в новый полк?

— У меня есть увольнение, сэр. Я собираюсь домой.

Николас замедлил шаг, а потом и вовсе остановился, поняв вдруг, что даже никогда не спрашивал мальчика, откуда он родом. У них не было времени на любезности.

— А где твой дом, Питер?

— В Боулдере, сэр.

— Дай мне взглянуть на твои бумаги, сынок.

Питер охотно передал их, и пока старший мужчина просматривал документы, уважительно дожидался.

— Да, ты свободен ехать домой сразу из Денвера. У тебя есть еще какие-нибудь планы?

— Нет, сэр, не сейчас.

Ник взглянул на него. В нем не было ничего такого, что бы привлекало особое внимание — просто один из молодых солдат, который видел больше боли и страданий, чем любой другой мужчина в его возрасте. Но Питер был самым умным помощником из всех, которые когда-нибудь были у Ника. Он не все делал на отлично — например, имел склонность к беспорядку, — но с тех пор, как он присоединился к полку Николаса, а это было незадолго до Рождества, от его службы нельзя было желать большего. Он усердно работал, а теперь, как и многие другие, должен был вскоре начать жить самостоятельно, вдали от армии.

— Сколько тебе лет, Питер?

— Восемнадцать, сэр.

— У тебя есть семья в Боулдере?

— Да, сэр.

Ник принял решение. В Денвере он возьмет его к себе домой.

— Поедем со мной, Питер.

— Я всегда еду с вами, сэр.

Улыбка осветила взгляд полковника, он положил руку на плечо Питера. Так схожие в походке и в мыслях, мужчины пошли дальше в сторону запада, сначала в лагерь, где стоял полк, а потом на железнодорожную станцию.

Через несколько недель Питер был свидетелем полной слез встречи полковника с женой, и его сердце заболело при воспоминании о собственных родителях.

Ник и Камилла Валлас приглашали Питера погостить подольше, но, торопясь увидеться со своей семьей, Питер уехал следующим ранним утром. Его путь лежал в предгорье Боулдера. На прощание Ник предложил Питеру работу в Денвере, в Министерстве финансов, понимая при этом, что видит его последний раз. Однако Питер удивил старшего товарища, появившись уже через две недели.

— Питер! — воскликнул Ник с восторгом и удивлением, когда экономка проводила молодого человека в гостиную.

— Здравствуйте, полковник. Надеюсь, я не навязываюсь.

— Конечно, нет. Как твоя семья?

— Мама — хорошо, сэр, а папа умер, пока меня не было, — он произнес эту фразу спокойно.

— Очень жаль, сынок.

— Спасибо, сэр. Я вернулся, потому что вы упомянули, что для меня найдется работа.

— Да, мое предложение остается в силе. Мне всегда нужны клерки. Зарплата, конечно, не будет очень высокой — по всей стране идут сокращения. Ты все сам знаешь, но я могу взять тебя.

— Да, сэр, но предложение останется в силе... — Питер замаялся, — если... мне не восемнадцать, как я сказал.

Ник улыбнулся. Сколько молодых людей врал, когда шли на службу? Полковник не оправдывал такие действия, но он видел, как Питер работает. Это был самый способный молодой человек из всех, кого он знал.

— Меня это не очень волнует, Питер. Сколько тебе лет?

— Всего шестнадцать, сэр.

Ник кивнул.

— Все-таки я тебя возьму.

— А вы возьмете меня, если я девушка?

На этот раз Ник не улыбнулся и не произнес ни слова. В течение нескольких минут он не был способен ни к какой реакции. Но в этом не было необходимости. Питер заговорил снова, и все, что полковник мог сделать — это только слушать. Прошло не так много времени, и старший товарищ решил, что он все же найдет работу для своего помощника.

Боулдер, Колорадо. Апрель 1878

Трэвис Бьюкенен вышел из здания почты с пачкой корреспонденции в руках. Пока он шел к повозке, которая была уже нагружена и готова к отправке домой, одно из писем привлекло его внимание. Его взгляд задержался на подписи внизу письма. Он остановился и прочел.

Дома его ожидала жена Ребекка, но Трэвис неожиданно решил, что он должен заглянуть туда. Он взобрался на сиденье в повозке, развернул упряжку и направился вперед по улице. Он остановился перед гостиницей «Боулдер» и спрыгнул с повозки.

— Ну, здравствуй, Трэвис, — приветствовал его Мэл Дойл, хозяин гостиницы.

— Привет, Мэл! Как бизнес?

— Работы много, но не жалуюсь.

Трэвис улыбнулся.

— У тебя есть постоялец, зарегистрированный под именем Маккей?

Хозяин спросил у регистратора.

— Да, точно, есть. Комната 14.

— Спасибо, Мэл. Я поднимусь к нему.

Пока длинные ноги Трэвиса шагали через ступеньку, голова была занята мыслью о том, кто был этот человек и виделись ли

они раньше. Ему не пришлось долго раздумывать. Не более чем через несколько секунд, после того, как он постучал, дверь комнаты 14 открылась.

— Мистер Маккей?! — спросил Трэвис человека, стоявшего в комнате.

Тот ответил добродушной улыбкой.

— Он самый. Харрингтон. Маккей Харрингтон. А вы, должно быть, Трэвис Бьюкенен.

— Да. Вы оставляли на почте для меня письмо?

— Оставлял. Спасибо, что пришли. Может, зайдете ко мне?

Трэвис вошел в комнату, не планируя оставаться надолго, но чувствуя себя глубоко заинтересованным. Он перешагнул через порог и повернулся, чтобы разглядеть этого человека.

Маккей Харрингтон не был таким высоким, как Трэвис. Шесть с половиной футов, но Трэвису его рост показался около шести футов. Темные волосы, гладко выбритый подбородок квадратной формы, придававший его лицу упрямый вид. Взгляд его темных глаз, обращенный к Трэвису, был дружелюбным и открытым. Одежда представляла комбинации разных стилей — сапоги для верховой езды, брюки из джинсовой ткани, нарядный пиджак, который лежал на кровати, и галстук-ленточка, свободно завязанный под воротником свежей белой рубашки. Трэвис определил все это в одно мгновение, зная в то же время, что и его тщательно рассмотрели.

Наконец Трэвис спросил:

— Мы где-то встречались?

— Нет. Я работаю в Министерстве финансов в Денвере, а сюда, в город, приехал по делам. Мне упомянули ваше имя как возможный контакт в этом районе.

Брови Трэвиса поползли вверх.

— Но я никогда не работал в Министерстве финансов.

— Это не имеет значения. Ваше имя было упомянуто благодаря вашей репутации в этом городе. Мне сказали, что даже если я

не получу от вас информацию, которую ищу, вы будете молчать о нашей встрече.

Трэвис был заинтригован, но не потерял чувства времени. Мужчины поговорили еще минуту, Маккей вкратце разъяснил то, что хотел сказать. Трэвис понял, что не будет слишком вовлечен в этот проект, но все-таки решил пока не давать ответа. Однако, он согласился встретиться еще раз. Они обменялись рукопожатием, и Трэвис быстро покинул отель. Он уже опаздывал к обещанному Ребекке времени.

— У тебя все в порядке? — спросила Ребекка, увидев его.

Трэвис улыбнулся. Когда-то их брак был просто совместным проживанием двух любящих людей, а сейчас отношения развились до того, что если Трэвис был хотя бы в мыслях захвачен чем-то, она это замечала.

— Да, все в порядке, но я встретил кое-кого в городе, — сказал Трэвис так, чтобы не слышали его сыновья-близнецы, играющие на полу. — Я расскажу тебе потом.

Ребекка промолчала, но когда мальчиков уложили спать, а они с Трэвисом сидели в гостиной, она вопросительно посмотрела на него. Трэвис улыбнулся, понимая, что было в ее голове.

— Ты о чем-то хотела поговорить со мной сегодня вечером? — спросил он невинно.

Ребекка знала, что ее смех или даже улыбка подзадорят его и он начнет дразнить ее сильнее, но она ничего не могла поделать. Трэвис видел ее улыбку, когда она еще не появилась на губах, и наклонился, чтобы притянуть ее поближе.

— Кого ты встретил сегодня в городе? — спросила она, удобно пристроившись рядом с ним.

— Это был человек из Министерства финансов, но я не думаю, что скажу тебе его имя прямо сейчас.

Ребекка отстранилась от мужа и посмотрела на него.

— Очень загадочно.

— Да, точно, — согласился Трэвис. — Я разговаривал с этим человеком сегодня об одном деле, которое он хочет проверить в нашем районе. У меня не было времени ответить ему окончательно, но он хочет встретиться со мной утром.

— И ты согласился?

— Нет. Я сказал, что пойду в церковь, а потом подъеду к нему. Он будет здесь до вторника.

— И что ты будешь делать — позволишь ему появиться здесь?

Руки Трэвиса обняли выпуклый живот жены, и он притянул ее еще ближе. Ребенок должен был родиться всего через три месяца. Он подумал также и о маленьких шестилетних сыновьях, спавших наверху.

— Нет, — сказал он ей. — Сейчас нет, и может быть, никогда, если я не получу ответа, который мне нужен.

— Значит, ты думаешь, что здесь кроется какая-то опасность.

Трэвис поцеловал ее в висок.

— Я даже не знаю. Не похоже на то. Вот что я тебе скажу: он произвел на меня хорошее впечатление, и я бы помог ему, но получится ли у меня сейчас, на данном этапе, это только догадки.

Они посидели молча некоторое время, а затем Ребекка тихо сказала:

— Боулдер растет, Трэвис. Я уверена, что это благодаря нашему новому статусу, но вместе с ростом увеличивается и преступность. Я разговаривала с женщиной из строительного магазина на этой неделе. Она сказала, что это все алкоголь. Ты знаешь, что у нас в Боулдере десять пивных? И я спрашиваю, Трэвис, зачем городу, особенно такому, как наш, где меньше трех тысяч жителей, десять пивных?

— Я совершенно согласен с тобой, но рост проявляется не только в плохом.

— Конечно, нет, — согласилась она поспешно. — В газетах писали, что университет откроется осенью, и о новых зданиях, кото-

рые собираются построить по всему городу, — это замечательно. Боулдер превращается в красивое место. Но я не удивлюсь, если твой таинственный человек оказался здесь, чтобы расследовать какое-нибудь преступление.

Трэвис устался на нее. Это было отлично сказано. Возможно, она права. И если это так, хотел ли он втянуть в это дело свою семью?

— Мне нужно, чтобы ты подумал.

— Хорошо, — согласился Трэвис. — Но у меня еще нет ни одного серьезного аргумента.

— А откуда им взяться? Ты ведь еще ничего не знаешь.

Трэвис устался на нее, в его глазах был мягкий свет.

— Ты определенно полна ответов сегодня, миссис Бьюкенен.

Ребекка улыбнулась удовлетворенно и прижалась немного плотнее. Разговор перешел к прошедшему дню: как вели себя мальчики. В какой-то момент Трэвис пожурил ее, что она не идет отдыхать, но Ребекка оставалась лежать, удобно пристроившись на руках у мужа, пока не настало время отправляться наверх спать.

В воскресенье утром Маккей Харрингтон опустился на заднюю скамью в церкви и тотчас же заметил Трэвиса Бьюкенена; тот сидел с двумя маленькими мальчиками. Маккей молился, чтобы этот человек не опоздал и не заметил его, но теперь мог чувствовать себя в безопасности, потому что служба уже началась. Он вставал вместе с другими людьми для пения и наклонял голову для молитвы, но его мысли были далеко от этого места.

Маккей не волновался из-за нового поручения. Выслеживать преступников и привлекать их к суду — в этом он не видел ничего особенного, он занимался этим уже годы. Он просто любил знать все еще до того, как возьмется за дело. В данном случае это было невозможно. Он должен был двигаться и двигаться поспешно.

Говерн Хакетт уже ускользнул от них однажды, и начальство Маккея было недовольно. На самом деле им не нужен был ни Говерн, ни его брат Джабел, но они подозревали, что братья Хакетты помогут поймать гораздо более крупную рыбу, и это будет именно тот человек, за которым охотилось Министерство финансов.

Взгляд Маккея остановился на затылке Трэвиса Бьюкенена. Чем он сможет быть полезным? Из полученных документов Маккей знал, что тот прожил здесь уже годы, но это не значит, что он сможет пролить свет на братьев Хакеттов. В действительности, если люди говорили правду, братья жили тайно где-то в горах в районе Боулдера. Судебный архив не содержал и половины того, что хотел бы знать начальник Маккея, Карлайл Крауфорд.

— Что в твоём сердце сегодня? Что угнетает тебя? — Маккей неожиданно услышал вопрос пастора и понял, что до этого он не слышал вообще ничего. Через несколько мгновений он доверил свои обстоятельства Богу и обратил сердце к тому, чтобы услышать проповедь.

— «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас». Разве Первое послание Петра (5:7) не знакомый нам отрывок Писания? Но как вы смотрите на этот стих? Было бы так легко сконцентрироваться на нем одном, но посмотрите на предшествующий стих, шестой: «Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время».

Как мы смиряем себя перед Богом? Я снова цитирую стих седьмой и немного изменяю форму слова: «Возлагая все заботы на Него, ибо Он печется о вас». Вы заметили разницу, мой друг? Смирилось ли ваше сердце перед Богом? Это произошло, если вы отдали все заботы Ему, если вы доверяете Ему абсолютно в каждом вопросе жизни.

Маккей едва удержался от улыбки. Он, конечно, не возложил свои заботы на Бога. Он волновался о них и таскал их на себе повсюду, как обременительную ношу. Пастор продолжал говорить, но голова Маккея склонилась, поскольку он изучал стих в малень-

кой Библии, которую принес с собой. Еще будучи ребенком, он запомнил седьмой стих наизусть, но никогда не присоединял к нему шестой. Сейчас он пытался это сделать. Он был так увлечен этой задачей, что едва не пропустил конец службы. Маккей был полон желания услышать, что же скажет пастор в заключение проповеди, но он должен был уйти прежде, чем привлечет к себе слишком много внимания, а не топтаться в церкви после заключительного пения. Когда все собрание встало, чтобы пропеть последний гимн, Маккей выскользнул за дверь и пошел по улице в сторону отеля. Было бы, конечно, приятно пройтись в компании кого-то из церкви, но оставаться незамеченным было частью его работы.

Остаток дня он бродил по окрестностям города, и, хотя выглядел как любой другой человек на этой улице, мысленно он собирал информацию, которую должен был записать, прийдя домой. Маккей быстро заснул в эту ночь, намереваясь навести кое-какие справки в понедельник, включая встречу с Трэвисом Бьюкененом. Семья Маккея жила неподалеку в Лонгмонте, и он планировал навестить их во вторник утром в первую очередь. Но когда в понедельник он спустился вниз, на приемной стойке гостиницы его ждала телеграмма. Это было сообщение от начальника, в котором было нелегко разобраться, но Маккей, кажется, его понял. Он понял также, что должен отложить поездку домой. Телеграмма указывала ему то самое направление, которое он искал.

Пап Дженнингс была занята весь день, но ее мысли были только наполовину в работе. Она не расставалась с ощущением какой-то близкой опасности. Ее припасы скоро должны были закончиться, но ей бы не хотелось, не испытывая особой необходимости, оставлять свой домик в горах без присмотра. Трястись от страха по дороге в Боулдер — это не для нее. Хотя Пап была не из тех, кто вечно воображает всякие несчастья, но на этот раз она не могла справиться с предчувствием, что должно случиться что-то плохое.

Эта мысль не покидала ее весь день, но ничего особенного не произошло. Она поужинала в одиночестве и отправилась спать в обычное время. Ее предчувствие оправдалось на рассвете, когда ее брат быстро ворвался в домик через переднюю дверь. Его приветствовали ружье, нацеленное ему в лицо, и сестра, которая была совсем не рада его приходу.

— Что ты здесь делаешь, Говерн? — она не теряла времени на любезности.

— Мне нужны деньги, и нужны быстро, — прогремел он.

Казалось, будто он не спал несколько суток, но Пап не испытывала жалости.

— У меня их нет, — сказала она ему, только сейчас опуская ружье.

Ее невозмутимость бесила его, но он был достаточно осторожен и не показывал этого.

— У тебя всегда есть деньги, — он пытался говорить спокойно. — Если ты дашь мне сразу, я уйду.

Пап взглянула на него хладнокровно. Они с братом были такими разными. Не внешне — у обоих были выющиеся волосы цвета вороного крыла и темные серьезные глаза, — но жизненные цели и желания были прямо противоположны.

— Ты можешь оставаться здесь, сколько хочешь, или уходить сразу, — сказала она и повесила ружье на стену, — но ты не получишь от меня никаких денег.

— Маленькая наглая собака, — прошипел он, теперь обнажилась его подлинная сущность. — Маме стало бы стыдно, если бы она увидела, как ты обращаешься со мной!

Пап засмеялась.

— Ты — нечто, Говерн Хакетт, я даже не знаю, как тебя назвать. Ты стоишь здесь и говоришь мне, что маме было бы стыдно, в то время как ты и Джабел ввязываетесь во всякую позорную дрянь.

Говерн свирепо посмотрел на нее, но Пап не теряла спокойствия.

— От кого ты на этот раз прячешься, Говерн, от властей Колорадо или местных?

Это было самое ужасное из всего, что она могла сказать. С диким яростным рычанием он начал шнырять по всему домику в поисках денег, которые спрятала сестра. Пап стояла тихо с одним желанием, чтобы он поскорее убрался. Она боялась беспорядка, который ей придется разгребать после него. Но говорить было бесполезно, поэтому она стояла тихо, пока он не открыл переднюю дверь и не начал выбрасывать вещи на лужайку.

— Прекрати, Говерн! — прокричала она ему, но он не отреагировал.

— Эй! — попыталась она еще раз, когда один из ее немногих кухонных стульев полетел за дверь, но брат снова не отреагировал.

Пап поспешила закрыть дверь, но Говерн снова оказался около нее. Он оставил дверь открытой и выкинул еще несколько вещей. Потом она слышала, как посуда разбивается о камни, и вышла во двор. Уклоняясь от очередной летящей миски, она обернулась посмотреть, что происходит в домике, и с облегчением заметила, что Говерн направляется во вторую спальню, подальше от стеклянной посуды в кухне.

Устало вздохнув, она начала наводить порядок на лужайке перед домиком, складывая все у стены. Она слышала, как Говерн громко бранил ее внутри дома, но Пап оставалась на месте. Говерн еще продолжал крушить все внутри, как вдруг она услышала шорох в кустах. Смятение охватило ее, когда она увидела человека, вышедшего на лужайку. Пап мысленно обзывала себя дурой за то, что вышла из дома без ружья.

— Говерн здесь? — услышала она громкий голос.

Солнце светило в глаза, но Пап заметила винтовку в руке мужчины. Внутри дома стало очень тихо.

— Что вы сказали? — она пыталась протянуть время.

Мужчина собирался ответить, но не успел. Изнутри послышался выстрел, и человек упал на землю, чтобы укрыться. Пап попыталась укрыться сама. Она легла на живот, на траву, и стала думать, что делать.

— Выходи, Говерн, — она услышала выстрел мужчины. — Я не уйду без тебя.

Брат ответил еще одной пулей, а потом понеслось. Выстрелы раздавались каждые несколько секунд, а она медленно ползла за угол дома. Она еще лежала тихо, пока не убедилась, что находится за пределами стрельбища, и тогда вскочила на ноги, чтобы осмотреться. К несчастью, это было единственное, что она могла сделать. Окно было слишком высоко, чтобы дотянуться до него, а задней двери просто не существовало. Она посмотрела в сторону озера, которое было всего в 30 ярдах от нее, но она никогда не прятала оружие в кустах.

Когда выстрелы прекратились, голова заработала быстрее. Пригибаясь к земле, она отошла от задней стены домика и начала продвигаться к другой стороне, где этот таинственный человек мог спрятаться. Но не успела. Снова слышались выстрелы и звон разбитой посуды.

«Я предчувствовала, что будут неприятности, — подумала она вдруг, — но не ожидала такого!»

Пока она размышляла, выстрелы прекратились, но только для того, чтобы снова начаться через несколько минут. В конце концов Пап опустилась на землю, вытянув ноги и прислонившись спиной к бревнам. Нет, она не думала, что этот человек пришел по ее душу. Совершенно ясно, что он пришел за ее братом. Но если она окажется на их пути, ей придется лишиться жизни. Уж не говоря о том, что Говерн был так зол на нее сейчас, что вполне мог попытаться взять ее в заложницы.

Выстрелы прекратились. Пап попробовала определить, сколько времени прошло, но голова отказывалась работать. Только сейчас она почувствовала, что дрожит. Вокруг все еще было тихо, она прикрыла рукой рот, стараясь не издать ни звука, когда поняла, что двигалась в неправильном направлении. Перемещаясь так тихо, как могла, она возвращалась к дальнему концу дома. За все время, пока она преодолевала половину пути вдоль стены, не прозвучало ни одного выстрела. Пап пробиравась к передней стороне, быстро озираясь. Ничего. Ни звука, ни движения. Она продвинулась еще, то и дело оборачиваясь. Все еще полная тишина.

Вздохнув с небольшим облегчением, она повернула к передней части дома. Она поискала глазами на деревьях и в кустах, во всех направлениях, но ничего не увидела. Все еще держась поближе к стене дома, она пошла к крыльцу. Случайно толкнула ногой кувшин, который сама сюда поставила, и застыла, когда он ударился о камень, но ничего не произошло. Она была уже у крыльца.

— Говерн? — позвала она тихо.

Ответа не было.

— Говерн, ты слышишь? — спросила она немного громче.

Ничего.

Она повысила голос:

— Я вхожу Говерн, не стреляй. Если ты ранен, я помогу тебе, но не стреляй в меня.

Двигаясь так тихо и осторожно, как только могла, она ступила на первую ступеньку маленького крыльца. Когда нога коснулась узкой деревянной доски, та сдвинулась к самому порогу, и девушка слегка запнулась. И снова она застыла, но не последовало ни звука, ни движения.

В главном помещении дома, которое служило жилой комнатой, столовой и кухней, все было перевернуто, но никаких признаков присутствия брата заметно не было. Она видела, как Говерн направился в комнату для гостей, и, боясь оторвать спину от стены, она стала осторожно продвигаться в ту сторону, по пути заглянув в свою спальню. Никого.

Пройти в гостевую спальню означало засветиться в окне большой комнаты, но ей нужно было проверить. Там она обнаружила его почти сразу. Пуля, очевидно, застала его врасплох, пролетев через окно. Он был мертв, рана от пули зияла в виске, ружье, которое он, как видно, пытался перезарядить, лежало рядом. Она изумленно уставилась на кровь, боль пронзила ее сердце. Говерн не был порядочным человеком, но он был ее братом, и она никогда не желала ему такой жестокой смерти.

Пап уже почти решила подойти к нему, когда услышала какой-то звук снаружи. Как она могла забыть о том, другом человеке? Едва сдерживая дыхание, она схватила ружье, которое вывалилось из рук Говерна. Перезарядив его так быстро и осторожно, как только могла, она стала медленно перемещаться по направлению к двери, откуда можно было оглядеть большую комнату. Никаких признаков жизни у окон или у двери, которая все еще была открыта, и Пап стала продвигаться дальше. Она метнула взгляд за дверь и собиралась оглянуться, как вдруг застыла. Прямо на лужайке сто-

ял человек с ружьем. Рубашка спереди намокла от крови, ружье бессильно повисло на руке.

Пап видела, что он пытался поднять свободную руку, но это было уже невозможно. Не произнеся ни слова, он рухнул на землю. Все еще держа ружье наготове, Пап двинулась к нему. Ее взгляд снова метнулся к деревьям, но там, кажется, никого не было. Рукой она коснулась горла незнакомца. Он был еще жив.

Пап не так планировала провести день, но она была девушкой, которая привыкла справляться с любыми обстоятельствами. Ее мертвый брат лежал, завернутый в простыню, на полу в большой комнате, а в комнате для гостей лежал еще один человек, который тоже, скорее всего, умрет. Пуля прошла через верхнюю часть грудной клетки и застряла ниже левого плеча. Пап знала — некоторые врачи придерживаются мнения, что лучше оставить пулю там, где она есть, в то время как другие считали необходимым срочно вынуть ее; но рана этого человека сильно кровоточила, и Пап никогда не нравилась идея, что человек может жить со свинцом в теле. Полагая, что он умрет в любом случае, она сжала зубы и вынула пулю. Рана теперь кровоточила немного меньше, но человек все же выглядел очень плохо.

В любом случае сейчас он лежал тихо, и Пап знала, что сегодня должно быть сделано еще одно дело.

Конечно, это было неприятно, но ночью она хотела спать спокойно, а не мучиться, зная, что в соседней комнате лежит труп. Поморщившись, она сходила за лопатой и начала рыть могилу, осторожно, стараясь не задеть двух участков земли, которые уже были отведены под маленькое кладбище недалеко от озера.

Спустя несколько часов Говерн Хакетт лежал рядом с матерью и отцом. Пап долго стояла и смотрела на свежий холм. Не слишком приятно было увидеть в земле его тело. Он даже не был в гро-

бу. Она не смогла сделать гроб для него. Устало вздохнув, она направилась в свое жилище. Пап ничего не ела целый день, и сейчас голод заявлял о себе, но желание знать, как там мужчина, лежавший в комнате, пересилило, и она отправилась к нему.

Как ни странно, он был еще жив. Она только теперь подумала, что он, должно быть, приехал сюда на лошади. День быстро угасал, поэтому она снова схватила ружье и вышла. Поскольку она видела, с какой стороны он появился на лужайке, ей нетрудно было определить, где искать. Не прошло и десяти минут, как она нашла его лошадь, наполовину спящую, привязанную к кусту. Пап отвязала чалую лошадь и привела в свою маленькую конюшню, устроив ее там на ночлег. Ее собственная лошадь Джинни не обратила на новичка особого внимания. Пап дала ей чуть больше овса, подобрала седельный вьюк мужчины и пошла в дом.

Она снова проверила умирающего. Пап знала, что ему станет легче, если снять одежду, она сделала это, радуясь, что он лежит тихо. И снова почувствовала, что ее качает от голода и нужно срочно поесть. Хлеб с сыром и банка консервированных персиков казались самым вкусным из всего, что она когда-либо ела. Она заварила большой кувшин кофе и, пока он был еще горячим, налила себе чашку. Сделав несколько глотков, она попыталась не думать о событиях этого дня. Она хотела сходить выкупаться в озере, когда запачкалась о седельный вьюк. Но, придя домой, бросила его на диван и тут же забыла о нем, потому что очень хотела есть.

Не мучаясь угрызениями совести, она стала разбирать его сумку. Было бы неплохо узнать, почему этот человек охотился за ее братом, но поскольку она была уверена, что он умрет, то главной задачей было найти его имя и, возможно, адрес его семьи. Она нашла и то, и другое. Маленькая карточка, которую она, в конце концов, обнаружила, гласила:

Маккей Харрингтон,
Лонгмонт, Колорадо

Пап долго смотрела на карточку, потом на дверь гостевой комнаты, потом в окно, в то же время не глядя ни на что конкретно.

— Маккей Харрингтон, — произнесла она вслух, и ее мысли понеслись во всех возможных направлениях.

Кофе пах очень приятно, но его остатки пропадали незамеченными и остывали в чашке. Да и сам домик успел остыть, когда она смогла оторваться от своих мыслей и разжечь огонь. Становилось теплее, и, прихватив кухонное кресло и лампу, она направилась в комнату больного.

Она пристроилась поудобнее на краю кровати и посветила в бледное лицо раненого.

— Вы собираетесь ожить, Маккей Харрингтон? — Пап сама услышала свой тихий вопрос.

Она была девушкой, успевшей многое повидать на своем веку, совершенно уверенной в том, что человек сам делает свой выбор. Маккей Харрингтон решил прийти сюда, в горы, в поисках ее брата, а сейчас он уже был не властен ничего выбирать.